

Надель-Червиньска М.
Катовице, Польша

**ЯЗЫК СОВДЕПИИ И МОТИВАЦИЯ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА
В ЯЗЫКЕ МАРГИНАЛЬНЫХ СРЕД:**

**имена собственные как этнические стереотипы в
уголовных жаргонах польском и русском**

УДК 81'276.1

ББК III 107

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики «своего» и «чужого» в языке советской тоталитарной действительности. Языковая политика определения каждого человека как лояльного или не лояльного представителя данной государственной системы, в зависимости от национальной культуры и религиозной принадлежности. Семантика личных имен в жаргоне отражает черты «нелояльности», что делает носителя таких черт изгоем.

Ключевые слова: русский язык; национальная идея; российское тоталитарное государство; национальная ценность; этнос.

Сведения об авторе: Надель-Червиньска, Маргарита, кандидат филологических наук, доцент
Место работы: Силезский университет, Институт восточнославянской филологии.

Контактная информация: E-mail: ma6570@gmail.com

Nadel-Chervinska M.
Katowice, Poland

**SOVIET LANGUAGE AND MOTIVATION
FOR SEMANTIC TRANSFER
IN THE LANGUAGE OF MARGINAL GROUPS:
Proper Names as Ethnical Stereotypes in Criminal
Slang in Polish and Russian**

ГЧТИ 16.21.27, 16.21.51

Kod BAK 10.02.19

Abstract. The article deals with characteristics of «one's» and «other's» in the language of the Soviet totalitarian reality. Language policy definition of each man as loyal or not a loyal representative of the state system, depending on national culture and religious affiliation is described. The semantics of proper names in the slang reflects the features of «disloyalty», which makes the possessor of such features an outcast.

Key words: the Russian language; national idea; Russian totalitarian state; national value; ethnos.

About the author: Nadel-Czerwinska Margarita, Candidate of Philology, Associate Professor
Place of employment: University of Silesia, Institute of East Philology

В сознании носителя любой национальной культурной традиции соотнесение того или иного личного имени с определенным стереотипом базируется прежде всего на многовековом коллективном опыте, в основе которого заложено мироощущение мифо-фольклорное [Н.Червиньска 2003; 2007 а; 2007 б; 2009 а; 2009 б]. Тем самым за каждым именем, достаточно распространенным в данной культурно-языковой среде и потому с течением времени обрастающим дополнительным, обусловленным этой конкретной традицией, семантическим комплексом представлений, закрепляется набор каких-либо особенностей – свойств и качеств, приписываемых обладателю того или иного имени.

В результате закрепляется определенная связь между человеком и его именем, связь двуплечевая и, по той же народной традиции, осмысляемая как магический акт «слова = действия»: «имя» → «человек» и «человек» → «имя».

В первом случае имя, которое дается человеку при рождении, либо прозвище, данное затем на каком-либо из этапов инициации (в культурно-исторической проекции: «каково имя, таков и сам человек»), в конечном счете, определяет «то, каким этот человек станет и будет затем всю свою жизнь».

Во втором случае, наоборот, человек, получивший свое имя либо прозвище как бы ненароком, совсем «случайно», неизбежно становится рано или поздно именно «таким, каким диктует ему стать его имя». Имя подчиняет личность человека себе, управляет ею и как бы

«лепит» названного на свой – непреодолимый самим индивидом – лад. Поэтому традиционно у всех народов существуют представления о «магии имени».

Это своеобразный диктат личного имени как некоей бытийной субстанции, которая определяет: «от своей судьбы не уйти». И это в то же самое время личное имя является важным условием существования каждого индивида в социуме (социуме семьи, рода, своих деревни и этноса), существования и сосуществования в коллективе себе подобных – подобных по привычкам, обычаям, верованиям, взглядам. Для описания и углубленного понимания данного языкового, актуального, в частности в контексте культуры восточных славян, феномена следует рассмотреть его в более широком окружении текстов фольклора – и прежде всего текстов паремиологических, поскольку это важно в дальнейшем для темы нашей статьи.

«Личное имя» в контексте народной ментальности

Комплекс представлений, изложенных нами выше, отражается, в частности, фондом русской паремиологии: С именем Иван, без имени — болван. Ср.: Иван, не помнящий родства. Без вымени овца — баран; а также: Я ведь не без имени овца. И наконец загадка: Без чего человеку жить нельзя? (Отгадка: Без имени.) А также: Хорошо и там и тут, где по имени зовут; когда находишься среди своих, т.е. когда вписываешься в собственный социум, напр., в свою этническую группу.

→ «Имя как маркер своего, принадлежности к своему» [1].

Одновременно угадывается знак семантического равенства в народной традиции между такими понятиями, как *имя* человека и его *душа*, напр., в загадке: *Когда душу крестят, чем её дарят?* (Отгадка: *Именем и крестом*). Поэтому, как следствие таких представлений, в частности, считается, что: *Собаку грешно кликать человеческим именем*. Более того, *имя*, дающееся человеку, является необходимым условием обретения *души*, а потому «давание имени» или «придавание» и даже «задавание», т.е. наречение младенца, предшествует у последнего, дитяти, собственно «появлению души», *души* как «человеческой сущности», в человеке главного и определяющего.

Так, если младенец умирает еще до получения *имени*, то превращается в *болотный огонек*, неприкаянно блуждающий по белому свету и заманивающий случайного путника в непроходимую трясику. Отсюда убеждение: *Без имени ребёнок — чертёнок*. Ср.: *Могила без кадила, что угольная яма*. Интересно, что в первом случае *ребенок* еще «не принадлежит миру живых», актуальному социуму, которому он должен был бы принадлежать, во втором — *могила* еще «не принадлежит мертвым». Причем и в том, и в другом случаях причина «несоответствия должностованию» заключается в невыполнении кем-то необходимого условия, без которого не может реализоваться традиционно запрограммированное — в контексте обрядной действительности данного социума (первоначально этнического, а затем религиозного, социально-политического).

→ «Имя как заданная программа на будущее, т.е. как бы запрограммированная поведенческая модель» [2].

Следующая пословица, как поговорка более позднего происхождения и вторичного характера, отличается по семантике, поскольку *охота* (= желание; тяга к чему-л.) является не «сутью человека» и «необходимой частью» его, а «значимым признаком» или «условием» бытия: *Без охоты и человек болван* (не знающий забавы).

В то же время «главным», а потому «сущностным» для описываемого именем, или, в данных случаях названием субъекта является «то, без чего существование его вообще теряет смысл», и потому речь идет уже о чем-то совсем ином: *Печь без дров — гора. Без хвоста птица — ком. Без гребня петух — каплун. Без хвоста и пичужка не красна*.

→ «Имя как маркер самого главного, являющегося сущностью данного лица» [3].

Следующие поговорки наглядно демонстрируют народные представления о том, что «отсутствие главного», такого, как имя в человеке, меняет и сущность самого субъекта, и функции его в общем семантическом контексте: *Без осанки конь — корова. Корова без клички — мясо. Без костей мясо не живёт* (гово-

рится о человеке и животном). *Не живёт сорока без белого бока* (где признак *белый* традиционно значим, прежде всего, как «имеющий отношение к умершим, мертвому роду»).

Однако если *кости*, скелет являются «необходимым остоном тела», а потому они «значимая часть [почти каждого] живого существа», то *шерсть* таковым и таковой не является, напр., *барана и овцу* стригут, а потому, как говорится: *С паршивой овцы хоть бы шерсти клочок*. Поэтому следующая пословица к тем, которые мы описываем в связи с представлениями об имени (и названии-знаке), не относится: *Баран без шерсти не живёт* (говорится, коли шерсть во щах попадает). Не относятся к ним по той же причине и поговорки: *Русская рубаха без цветных ластовок не живёт. Без попа, что без соли*; или: *Без попа не приход* (где *поп* проявляет себя не столько как «суть», сколько как «орудие» и «необходимое условие» существования прихода, и если он «центр», то вокруг него функционирует приход, а не на нем держится — *попа* можно сменить на другого).

→ «Имя как маркер сущностно важного, без чего субъект уже не будет таковым, т.е. перестает быть самим собой» [4].

Солдат без ружья — тот же баран (что неравнозначно), однако: *Солдат без ипаги хуже бабы*. В первом случае в поговорке речь идет о «беспомощности», непригодности в битве, во втором — о «несостоятельности как мужчины», т.е. отсутствии фаллического признака.

Казалось бы, следующие пословицы выглядят внешне аналогичными предыдущим в структурно-семантическом отношении, но это не так: *Без топора не плотник, без иглы не портной. Без клещей кузнец, что без рук. Без хлеба не крестьянин*. Здесь как раз определяется «сущностно важное» [4], и даже «значимая часть» представителя, если определять современным языком, данной профессии: именно *топор* и ничто другое делает данного человека *плотником*, *иглолка* — *портным*, *клещи* — *кузнецом*, а выращиваемый *хлеб* — *крестьянином*.

В последующей же поговорке *сапоги* не являются «значимой частью» самого *слуги*, а «необходимым условием» для него данной работы и потому как бы «орудием труда»: *Без сапог не слуга*. Ср.: *Топор без топорща*. Ср. также: *Волка (а затем, современное: Журналиста) ноги кормят*. Так же, как и *слугу*, напр., *кормят ноги* мальчика на посылках.

→ «Имя как отражение функциональной сущности субъекта, его — имени — носителя, а также как определение функций данного субъекта в конкретном социуме» [5].

Приблизительно сюда же следует отнести пословицы, в которых атрибутивность такого признака, как *конь*, является свидетельством позднего семантического переноса-смещения: *Без коня не казак. Казак без коня, что солдат без ружья*. Ср. в подобных пословицах позднего

происхождения атрибутивную семантику таких признаков, как *ружье, сабля, шлага*, сохраняющих в паремиологических текстах при этом, однако, традиционный смысл «фаллический признак мужского начала».

→ «Имя как маркер своего, определяющего половую принадлежность наделенного именем-определением субъекта – фаллическое, либо вагинальное» [6].

В контекст тех же самых народных представлений вписываются также следующие паремии: *Сноп без перевясла — солома. Без языка и колокол нем. А также: Без мужа не жена. Жена без грозы — хуже козы*; где гроза = муж. Аналогичная идея «отсутствия самого главного» как отсутствие семантического ядра, главного стержня, сути и смысла самого существования в мире (и в мифо-фольклорной Модели Мира) заложена в основу и следующей пословицы: *Что гусь без воды, то мужик без жены*; ср. также: *Как рыба без воды*. В данном случае речь, конечно, не об имени личном, а важном номинативном знаке как имени в широком смысле фольклорного мироощущения.

→ «Неистинное, или ложное, и имя как маркер отсутствия в субъекте сущностно главного, что исключает носителя ложного имени из ряда данных – аналогичных ему самому – субъектов и, соответственно, лишает принадлежности к своему» [7].

Но при этом обратим внимание на то, что семантически неадекватным *жене без мужа* оказывается внешне, казалось бы, противоположное по смыслу: *Без жены как без шапки*. Но к данному паремиологическому тексту более близко будет по смыслу качественно иное: *И мир не без начальника* (или: *не без головы*). Неадекватна этому тексту (*Без мужа не жена*) в каждой из своих частей также и синтаксически двукомпонентная паремия: *Без мужа, что без головы; без жены, что без ума*.

В этом случае «отсутствие значимой части целого» равнозначно на самом деле «полной непригодности целого», причем это – «не пригодность к использованию по назначению», напр.: *Голова без ума, что фонарь без свечи*. Ср.: *У него чердак без верху: одного стропильца нет. Ум без догадки — чёрт ли в нём*. И даже в близком к этому значению «отсутствие необходимого условия»: *Без ладов и ведра не соберёшь. Дело без конца, что кобыла без хвоста. Без веретена пряжи не спрядёшь. Без закваски хлеба не месят. Без снаряда и лаптя не сплетёшь. Без жернова на шее дна не достать. Без раны зверя не убьёшь. На туловище без головы шапки не пригонишь*.

В данный разряд попадают весьма разнообразные по тематике паремиологические единицы, для которых, как можно заметить, кроме главного маркера – семантического параметра «отсутствие как знак непригодности», общим является и дополнительный структурно-семан-

тический параметр – построение традиционного высказывания по определенной синтаксической модели или ее вариантам-аналогам.

→ «Отсутствие значимой части целого, в т.ч. и имени, как маркер непригодности к использованию по назначению, а потому негодного для своего, социума и этноса» [8].

В этом же контексте, правда, с учетом специфических акцентов, характерных для данных традиционных текстов, следует рассматривать и следующие паремии: *Без хлеба не обед. Без пастуха овцы не стадо. Без бороды и в рай не пустят* (раскольнич.; в тот же контекст вписано и ироническое: *Без рубля бороды не отращишь*. Со времен Петра I). И даже: *Без плачу у бабы дело не спорится. Без копейки рубля нет; Без копейки рубля не живёт. Без ума житьё — рай*; где, заметим, «отсутствие необходимого» представляется положительным фактором. Ср. также: *Без kota мышам масленица*.

При всем этом «отсутствие самого главного, необходимого» нередко приобретает в паремиологии чисто национальные акценты: *Русский человек без родни не живёт. Немец без шуток с лавки не свалится. У немца на всё струмент есть. Цыгану без обману дня не прожить. Цыган даром мимо не пройдёт. И в самоедах не без людей. Только мёртвый литвин не дзекнет*. Ср. также: *Без корня и полынь не растёт*; что можно понимать и как «отсутствие национального», не вписанность в этнический социум «своего».

→ «Этническое имя, роль которого, можно сказать, обобщенно выполняет и национальная принадлежность как маркер своего, принадлежности к своему» [9].

Комплекс данных представлений об «имени» как некоем «основополагающем центре каждого элемента Сущего», будь то человек, животное, предмет, явление или, как следствие, действие, отражается также фольклорной сказкой, в которой «имечко», «истинное» ли оно либо «ложное», всегда играет важную роль и для развертывания традиционного мотива, и для понимания сакрального смысла, лежащего в основе любого фольклорного текста.

* * *

Выведенные здесь нами, основные для фольклора восточных славян, семантические функции имени-называния (как имени-маркера), а их, как видим, девять, остаются актуальными для российской ментальности и сегодня. Традиция народного мироощущения, изначально основывавшегося на мифо-фольклорном, остается базовой для современного русского просторечия.

Однако в современной народной ментальности, в которой остается в России, к сожалению, все меньше и меньше от традиции мифо-фольклорной, семантика личного имени носит большей частью негативную окраску. Отвлеченная собирательность и обобщенность каж-

дого такого называния при этом имеет нередко широкий диапазон коннотаций со знаком «минус». И такая специфика узуального словоупотребления мотивирована тем, что носители просторечия заимствуют прежде всего языковые элементы арготического характера, будь то городской сленг, субкультурный лексикон или уголовный жаргон. Мы уже не раз обращались в своих работах к проблемам употребления личных имен в жаргонной речи [Н.-Ч. 2000; N.-Czerwińska, Czerwińska 2004; N.-Czerwińska, Czerwińska, Akartel 2005; Н.-Ч., Червинская 2009 а; Н.-Ч., Червинская 2009 б]; [Червински 1998]. Специфика узуального словоупотребления личного имени занимает значительное место также в нашем словаре «Метафоры русского сексуального EGO» [Czerwinsky, Nadel-Czerwinska, Czerwinski 2001].

Далее в нашей статье, опираясь на представленные выше девять семантических функций имени-называния (имени-маркера в фольклорной традиции), рассмотрим использование личных имен в уголовных жаргонах, русском и польском. Такой подход позволяет в контексте поставленной проблемы параллельно анализировать аналогичный русскоязычный [Балдаев, Белко, Юсупов 1992; Балдаев 1997] и польскоязычный материал [Stępnia 1993], с учетом актуальных семантических изменений в современном сленговом фонде [Елистратов 2000; 2005].

«Личное имя» в контексте просторечных заимствований: замещение имени

Использование личного имени, а также фамилии и отчества, в узусе русского просторечия предполагает, в первую очередь, маркирование национальной принадлежности (1 а) и в ряде случаев знак принадлежности к определенному вероисповеданию (1 б). См., в частности, напр.: «Абрам – имя нарицательное. Так иногда пренебрежительно, иногда просто с легкой иронией, а иногда и оскорбительно называют евреев» [Раскин 1997: 17]. При этом наблюдается, как в уголовном жаргоне, тенденция табуирования национальности, путем замещения этнической принадлежности и прямого указания на нее именем – той или иной значимой внешней чертой (2 а), реже значимой чертой характера (2 б), реальной либо только приписываемой представителям данного этнического единства.

Обращает на себя внимание также специфическая форма называния «несвоим именем», т.е. именем «чужим», «не истинным, а ложным», либо соотнесение с «иной национальностью», «чужим этносом»: *шварцман* (идиш; в русск. переводе фамилия *Черный*; ср.: *вайс*, идиш. и русск. *Белый*), 1) «скупщик краденых драгоценностей, антиквариата, произведений искусства», 2) «негр», 3) «араб»; *армяшки*, *армяшка*, собират., «кавказцы», «кавказец».

Причем и в первом, и во втором случаях все представители данной собирательно-

обобщенной общности – «негры», «арабы», «кавказцы», как и «евреи» или «армяне», – недифференцированно воспринимаются субъектами речи со стороны, а потому, с позиций иной национальной культуры, как бы «на одно лицо». Так, в начале 70-х годов, когда в советских вузах впервые учились вьетнамцы, имел место весьма досадный казус: студент показал своему преподавателю русского языка коллективную фотографию соотечественников, приехавших учиться, сделанную в Москве, и указал на снимке: вот это я, а это мой брат. И в ответ услышал искренне изумленное: а как Вы его узнали?!

Обратим внимание также на то, что большинство таких имен-стереотипов и заместителей имен-стереотипов заимствуется просторечием от представителей сред криминальных, а также с ними пограничных. Ниже приведем выборочно некоторые примеры, являющиеся типичными для описываемых нами процессов, характерных для современного просторечия.

1-а) национальная принадлежность:

азиат – *богдыхан*, «начальник ПТУ – азиат, кавказец»; *чингиз* (историч., Чингиз-хан), «казах», «киргиз»; *чойболсан*, «монгол», «бурят»; *юрок* (сокр. от Юрик, однако здесь – по типу *турок*), 1) «татарин», «башкир», 2) «азиат»; *илай* (тюркск.), «честный человек» (с Востока);

армянин – *каро* (арм.), 1) «меч», 2) «преступник-кавказец»; *карен*, «армянин»; *ашот*, *ашотик*, «армянин»; *аршак*, «армянин»; *армен*, *армэн*, «армянин»;

грузин – *гако* (кавк., груз. или азерб.), 1) «дядя», 2) «друг»; *лоли* (груз.), 1) «монета», 2) «воровка-грузинка»; *сосо*, 1) «грузин», 2) «Сталин»;

еврей – *бриц* (иврит и идиш), «еврей»; *вайс* (евр. фамилия, идиш, «белый»), 1) «человек на побегушках», 2) «официант», 3) «молодой удачливый вор»; *мойша* (от Моисей), «еврей»; *мошка* (от Моисей, Мойша), 1) «матрас», 2) «ничтожество, о человеке»; *монька* (от Соломон, Шломе), «еврей»; *эстер* (др.-евр.; в Священном писании – Эсфирь), 1) «красивая еврейка из интеллигентной семьи», 2) «умная красивая любовница»; *яшка* (от Яков, Иаков), 1) «похлебка», 2) «человек на побегушках»;

кавказец – *армяшки*, *армяшка*, собират., «кавказцы», «кавказец» (все на одно лицо; в массе не такие, как «русские»; смуглые, жгучие брюнеты);

немец – *бундес*, «гражданин ФРГ»; *фриц*, *фашист*, как «историч. обобщение» (в т.ч. и «немец из ГДР»);

русский – *ваня* (от Иван), 1) «глупый, недалекий человек», 2) «простой малограмотный человек», 3) «русский»; *коля* (от Николай), «ботинок, о рабочей обуви» (ср.: *простой, как валенок*); *маруся* (просторечн., от Марья), 1) «любовница вора», 2) «женщина», 3) «проститут-

ка», 4) «жертва марушника»; *марушка* (то же самое), 1) «молодая женщина», 2) «проститутка»; *матвей* (русс. простонар.), 1) «добросовестно работающий заключенный» (то же самое, что *мужик*), 2, «пьяный»; *матрена* (русс. простонар.), 1) «завод, фабрика», 2) «малоимущая простая пожилая женщина», 3) «работница физического труда», 4) «малограмотная, недалекая женщина»; *маша* (от Марья), 1) «женщина – главарь преступной группы», 2) «простая, наивная, глупая женщина», 3) «деревенская жительница», 4) «женщина», 5) «пассивный гомосексуалист»; *машка* (от Марья), 1) «пассивный гомосексуалист», 2) «женщина-воровка», 3) «сельская девушка», 4) «властелин» (объект сексуального насилия), 5) «работница физического труда», 6) «пассивная лесбиянка»; *умная маша* (ирон., пренебр.), 1) «рядовая работница», 2) «наивная, простоватая женщина».

цыган – *аза*, *ада*, «молодая цыганка»; *биби*, «тетка»;

1-б) вероисповедание:

азиат – *аллах* и *аллахи* «азиат и азиаты; мусульмане»; *чех* и *чехи*, «чеченец, чеченцы»;

еврей – *иерусалимец*, 1) «еврей», 2) «бродяга, бомж»; *аид* (средневеков., «иудей»), «авторитетный еврей»; *аида* (т.е. «иудейка»), «красивая еврейского происхождения» (тем самым и в название одноименной оперы Верди вынесена национальная принадлежность рабыни, что делает понятным и непокорность ее народа, и невозможность ее любви с египтянином Радамесом); *барисраел* (сын Исаи, народа иудейского; иврит), «еврей»; *сара*, *сарка*, 1) «золотая монета», 2) «деньги», 3) «луна», 4) «еврейка»; *фима*, «авторитетный заключенный-еврей»; *шмуль*, «еврей»;

татарин – *бабай*, 1) «дед, старик», 2) устар., «ростовщик», 3) «старый татарин»;

1-б₁) а также противоположное – *иное вероисповедание* (чужая, чуждая вера):

анше, «люди» (чужие, инородные);

асей, «иностранец» (чужой и чуждый человек);

арина (простонар., от Ирина), «оскорбление у осужденных-мусульман» (не мусульманин и, вероятно, пассивный гомосексуалист);

басурман, «заключенный-мусульманин», «мусульманский священнослужитель»;

башкир, «милиционер» (по-русски не понимает – возможно, как в прямом, так и в переносном смысле);

бедуин, «притесняемый заключенный – азиат или кавказец»;

бильбальдо, «некрещеный»;

гамбургер, «иностранец» (обычно западноевропейский);

джон, «иностранец»;

дух, *духи*, «душманы, мусульмане»;

жорж, «священнослужитель» (примечание: какого вероисповедания, неясно);

мулержан, «мулла»;

чумиза, «китаец»;

чухна, «прибалты, карелы, финны»;

2-а) значимая внешняя черта:

азиат – *малай-малахай* (прозвище; по внешнему виду, одежде), «татарин»; *чучело*, «азиат» (а также «портрет вождя», «памятник вождю» и «сожитель жены или любовницы заключенного»); *умный чукча*, «азиат» (по признаку «восточные, раскосые глаза»); *чио-чио-сан* (ориентальный мотив: дорогая шоколадная конфета – по имени героини одноименной оперы Пуччини, японки), «проститутка-азиатка»; *желток*, «азиат» (калька с американского);

армянин – *хачик* и *хачек*, «нос, крючкообразный» (ошибочно считать, что это сокращение армянского имени, либо фамилии Хачатур(ь)ян; из польск., видимо, через украинский: *hak*, «крюк»; *haczyk*, «крючок»; ср.: *поймать на крючок* кого);

еврей – *шнобель* (идиш), а также *рубильник*, «нос, очень большой»; *брудель* (из польск. *brudas*), «старый еврей»;

кавказец – *ара*, «лицо южной, преимущественно кавказской, национальности» (от обращения *ара*, «послушай»; груз.); *черножопый*, *черножопик*, *черный*, «смуглый, чернявый человек – напр., азиат, кавказец»; *орел*, *орлиный нос*, «грузин» и вообще «кавказец» (по признаку «большой, крючковатый нос»); *чернота*, собират., «жители южных республик, обычно Кавказа и Средней Азии»;

негр – *черномордик*, «негр» (человек с черным лицом); *негатив*, «негр» (в полную противоположность «белому человеку»); то же самое – *черные яйца*, *черный болт* (фаллический признак), *шоколадный заяц* (+ *заяц* и *зайчик*, «жертва насилия» и «жертва полового насилия»); *блэки*, «африканцы»; *черный*, «негр», а также «житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии», «опиум»;

украинец (?) – *махно*, «блатной, не придерживающийся закона» (от батько Махно);

цыган – *черни*, *чорня*, «опытная воровка-цыганка»;

2-б) черта характера:

азиат – *чучмек*, *чушка*, *чурка*, «азиат», «глупый, недалекий человек» (а также «человек необразованный, темный», в т.ч. и «колхозник»; «грязный», от *чушка*, «свинья»; «тупица, дубина стоеросовая, бревно», от *чурка*, «деревяшка»); *башибузок*, «головорез», «бандит-азиат»; *камикадзе*, «вооруженный бандит – азиат или кавказец» (отчаянный головорез, самоубийца); *сизарь тупорылый*, «азиат» (плохо соображает; плохо владеет русским языком); *петлюровцы*, собир., «азиат, но чаще о корейцах, японцах, вьетнамцах» (от имени Петлюра, «руководитель неуправляемой банды головорезов», на Украине);

армянин – *даша*, *дашка*, «пассивный гомосексуалист» (от глаг. *давать*); *дашник*, «армянин» (то же самое);

белорус – *бульбаш* («питающийся, т.е. живущий, одной картошкой, *бульбой*»);

еврей – *жид* (и все это словообразовательное гнездо в просторечии [Елистратов 1994: 136-137]), «скупой, жадный» (он также *жмот*, *жлоб* и *из-за копейки готов удавиться*), «хитрый, изворотливый, хитроумный, находчивый», «чересчур умный, а потому наглый, нахальный», «слишком образованный, много на себя берет» и т.д.;

кавказец – *горный козел* (т.е. «чуть что – подскакивает; агрессивен и бодлив»); *грузинская*, или *армянская*, *шутка*, «анально-генитальный контакт с женщиной»;

русский – *егорка*, «глупый, недалекий человек»; *пантелей*, «глупый, малограмотный человек»; *федя*, «железнодорожный вагон, в котором перевозят вино, спирт», «пьяница», «глупый, недалекий человек»; *сиволапый лох*, «колхозник, сельский житель» (недалекий простофиля); *ванёк*, «охранник, надзиратель в ПТУ», «беспечная жертва вора», «мусорный ящик, ведро», «умственно отсталый человек»; *сибирский валенок*, «глупый, недалекий человек» и «наивный, простодушный человек»; *лёха*, *лех*, *лэх*, «глупый, недалекий человек», «наивный человек», «жертва преступления», «сельский житель»; *фома*, «глупый, недалекий человек»;

прибалт – *сизарь чухнорылый*, «эстонец, латыш, литовец» (т.е. «тупой; не знающий русского языка»);

цыган – *хосьян* (от Касьян, искаж.), «вор-цыган»; *кало*, «цыган»; *калле*, «красивая девушка, женщина» и «проститутка»; *филька*, «тумбочка», «цыган-конокрад»;

чукча – *чукча*, «глупый, недалекий человек» и «наивный человек, простофиля»;

чуваш – *чувашлеп*, «чуваш» и «глупый, недалекий человек»; *чугавый*, «чуваш».

Тем самым, субкультурные представления о той или иной национальности, а также о данном человеке, относящемся к определенному этническому либо религиозному единству, носит стереотипный – условно-обобщенный, – а потому расплывчатый и неконкретный характер. В результате человеческая личность нивелируется, полностью теряет свою индивидуальность, как бы растворяясь в мнениях-стереотипах о чужой, чуждой и, как правило, малознакомой культуре, т.е. в относительно правдоподобных «представлениях о ...» и суждениях о том, с чем говорящий практически не знаком.

Основанием для последних суждений обычно является в криминогенной среде обобщение единичных фактов. Причем коллективное отношение к определенным «жертвам насилия», напр., насилия гомосексуального (см. лагерное: *опускать*, *козлить* кого), – и часто к жертвам, избираемым преимущественно именно по национальной и религиозной принадлежности, перекладывается затем на всю этниче-

скую группу в целом (будь то *евреи*, *азиаты*, *армяне*, *грузины* или *африканцы*).

Ср.: *анджела дэвис*, «смуглый, кудрявый пассивный гомосексуалист» (перенос с определения «негр» на представления о «грузине», «армянине», «еврее»); а также безликое: *кен-тавр*, «активно-пассивный гомосексуалист» (мифол. имя-стереотип, используется в жаргоне как кличка).

* * *

Обратим особое внимание также на группу 1-б – вероисповедание: для криминогенной, а также тюремно-лагерной среды актуальна принадлежность только к двум религиозным общинам. Причем, в первую очередь, если судить по объему словарных единиц, это *евреи* (и *удизм*), а во вторую – представители *разных народностей*, объединенных верой в Аллаха (мусульмане). Иные религии, как и принадлежность к ним, совершенно не актуальны (в том числе не актуальна и вера христианская). Характерно также для жаргонной речи использование известных лексем вне религиозного, обычного для них, контекста, напр., *брахман*, «странный, погруженный в свои мысли человек», или *индус*, 1) «заклученный, водворенный в карцер», 2) «заклученный, обитатель *индии*» (в зн. «камера, в которой содержится заключенные-доходяги»);

Характерно то, что и на гомосексуальные отношения принадлежность к тому или иному вероисповеданию влияет лишь относительно: о религии вспоминается только тогда, когда объект речи хотят унижить именно по этому признаку.

Христианскими элементами тюремно-лагерного жаргона можно считать, пожалуй, только следующие: *юде*, *юда*, 1) «заклученный-доносчик», 2) «предатель» (от Иуда, др.-евр. имя и «иудей»; но в христианском значении «хриstopродавец», при этом огласовка жаргонизмов характерна для нацистского контекста); *ставит точки над "i"* (или: *над иудами*), – «стрелять в затылок (расстреливая)». Непосредственно соотносимы с православной традицией также лишь некоторые единицы жаргона картежников и шулеров, напр., названия карт: *святой николай*, устар., «трефовый король»; *святой павел*, устар., «валет». Последнее можно воспринимать в речи как демонстративную издевку и ерничанье, ср. также: *монашка*, 1) «незамужняя женщина», 2) «мусорная урна».

Красноречивы жаргонные значения и таких лексем: *архангел*, «милиционер»; *апостол*, 1) «милиционер», 2) «начальник, директор, председатель чего-л.»; *пол*, «политработник в ИТУ»; *дьявол*, 1) «прокурор», 2) «глупый, недалекий человек», 3) «ничтожество, о человеке», 3) «фраер, выдающий себя за блатного»; *демон*, 1) «фраер, выдающий себя за блатного», 2) «умственно отсталый человек»; *черт*, 1) «фраер, выдающий себя за блатного», 2) «работник пра-

воохранительных органов», 3) «добросовестно работающий заключенный»; *пономарь*, «хвастун»; *звонарь*, 1) «болтун», 2) «осведомитель, доносчик», а также как устаревшие значения арготизма – 3) «колокольня», 4) «часы с боем». Обратим внимание и на следующие единицы: *икона*, «фотография» (на фальшивых документах), «правила внутреннего распорядка ИТУ»; *женский монастырь*, «камера-одиночка для лиц, выдавших соучастников преступления, доносчиков» («женский» – т.е. камера для потенциальных объектов гомосексуального насилия, *опускаемых* в наказание, за предательство); *крестник*, «прокурор»; *крестить*, 1) «давать клички», 2) «подвергать заключенных-новичков испытаниям» (унизительным оскорблением вплоть до сексуального насилия), 3) «судить» (и в народном суде, и самосудом), 4) «избивать», 5) «унижать сокамерников».

Для русскоязычного тюремно-лагерного жаргона характерна связь «христианских» элементов с ненавистной официальной властью (как представляющей тоталитарное государство), ее карательным аппаратом (тюрьмы, лагеря, система доносчиков, прокуратура) и ее отдельными представителями.

«Личное имя» в контексте русскоязычного тюремно-лагерного жаргона

Итак, личное имя в коммуникативном контексте русскоязычных криминогенных сред – контексте, который сейчас воспринимается как «нормальная» форма общения в самых различных кругах носителей современной российской ментальности, выполняет исключительно функцию нарицательности, что воспринимается многими уже почти как языковая норма.

Напр., в тюремно-лагерном жаргоне имена, часто в сокращенных формах, *ф а м и л и и*, как полные формы, так и сокращенные, иногда намеренно искаженные, *к л и ч к и*, нередко типа собачьих, используются в следующих целях:

1) для обозначения места и роли заключенных в иерархии «зоны» –

жоржик, 1) «сожитель жены заключенного», 2) «мошенник»; *жорик*, «человек, осужденный за мелкое хулиганство»; *челюскинец* (от фамилии Челюскин), 1) «вор, изгнанный из группировки за нарушение воровского закона», 2) «вор-одиночка»; *яропол*, *ярополк*, устар., «человек, осужденный за убийство своих родственников» (историзм); *воркута*, «заключенный, длительное время пробывший в местах лишения свободы; заключенный с длительным сроком наказания» (имя-топоним); *мурка*, 1) «карманная воровка», 2) «наводчица»; *есенин*, «заключенный, сочиняющий стихи, песни» (запрещенный при Сталине поэт, популярный своим песенным надрывом в уголовной среде); *гермес*, мифол., «опытный пожилой вор»; *савка*, «мелкий рыночный вор»; *серый* (прил. и сокр. к имени Сергей), 1) «человек, впервые осужден-

ный к лишению свободы», 2) «подозрительный, не вызывающий доверия человек», 3) «ничтожество, о человеке», 4) «военнослужащий Советской Армии»; *муська*, «проститутка»; *сявка*, 1) «вор-подросток; начинающий, неопытный вор», 2) «молодая проститутка» (образовано от Севка + Шавка); *фуцик*, «осведомитель из своих, предатель» (т.е. *стукач*);

2) для обозначения места и роли представителей иерархии карательного аппарата –

антон, «дворник» (и по долгу службы – «стукач НКВД»); *сидор*, 1) «мешок с вещами, продуктами; багаж, ручная кладь», 2) «дворник» (и по долгу службы – «стукач НКВД»); *гапон*, 1) «политработник в ИТУ», 2) «милиционер» (историзм; поп Гапон, «провокатор царской охранки»); *мурки*, устар., «сотрудники Московского уголовного розыска» (или МУРа; ср.: *мурка*, 1) «карманная воровка», 2) «наводчица»; а также: «...там сидела Мурка в кожаной тужурке, а из-под нее торчал наган...» – из «блатного шансона»; *аракчеев*, 1) «следователь», 2) «прокурор», 3) «директор школы», 4) «классный руководитель» (историзм); *салтычиха*, «женщина-начальник женского ИТУ» (историзм; искаж., боярыня Салтыкова); *тишка*, 1) «сотрудник уголовного розыска»; 2. «сотрудник оперчасти ИТУ»; *хавронья*, «женщина-народный судья» (имя, просторечн. от Февронии, и «свинья»); *татьяна*, 1) «резинковая милицейская дубинка», 2) «заключенная-староста камеры»; *филькина грамота*, «правила внутреннего распорядка ИТУ» (см. также: *фильки*, *филки*, «мелочь, о деньгах»); *химера*, мифол., «женщина-следователь»; *цезарь*, 1) «генерал МВД», 2) «сигнал опасности», 3) «злая собака» (т.е. «имеющий власть»; историзм); *барбос*, 1) «следователь», 2) «заведующий пивным баром, бармен» (кличка собаки; ср. также: *стакановец*, «пьяница» (искаженное «стахановец», образовано от фамилии шахтера-передовика, Стаханов);

3) для обозначения каких-либо значимых для криминальной среды элементов окружающей действительности –

катя, *катька*, *катюха*, 1. «пальто с большими карманами» (одежда воровок, совершающих кражи в магазинах самообслуживания), 2. «сторублевая купюра» (по имени русской царицы, а также денежная единица с ее портретом); *катюха*, «кодеин (наркосодержащее лекарство)»; *куин мэри*, устар., 1) «красивая портовая проститутка», 2) «притон, в котором собираются моряки дальнего плавания» (по названию знаменитого океанского лайнера; в честь королевы Англии); *леди хэми*, «марихуана, гашиш»; *окрестить Джека*, «уничтожить фабричные (заводские) номер или надпись на краденой вещи, поставив вымышленные»; *венера*, 1) «подарок», 2) «сифилис» (мифол.; имя богини любви и планета, лат.); *гарик* (англ., от Гарри), «героин»; *джоржик* (англ., от

Джордж), «окуроченный, приклеенный к стене, потолку»;

4) для обозначения каких-либо, значимых для тюремно-лагерной среды, элементов окружающей действительности –

белинский, «белый хлеб», противоположное *чернышевский*, «черный хлеб»; *чайковский*, «чай»; *сосиска сербского*, «норма питания в психиатрической больнице тюремного типа» (фамилия психиатра); *пульман*, 1) «стандартная упаковка лекарств, содержащих наркотические вещества», 2) «пачка чая»; *достоевский*, «человек, который может по блату доставать дефицитные товары» (начало 60-х; просторечн.); а также специфическое использование, что характерно, как уже было сказано, для просторечия, сокращенной фамилии – клички: *павлуша* – «микстура Павлова» (суррогат спиртного; ср.: *андроповка* – «водка «Московская», цена на которую была снижена во время пребывания Андропова на посту Генерального секретаря ЦК КПСС» [Мокиенко, Никитина 1998: 35]).

Собственно, такой специфический языковой – и просторечный – процесс следует рассматривать, прежде всего, как следствие того, что десятилетиями «в условиях отдельно взятой страны» велись эксперименты по нивелированию человеческой личности. Велись в колхозах, кооперативах, на предприятиях, т.е. в коллективах всевозможных типов, велись в детских садах, школах, вузах, а также на производстве (заводы и фабрики). Велись в разнообразных «ячейках» – семейной, октябрско-пионерско-комсомольской, партийной, профсоюзной, а также во всех общественных организациях. И, поскольку человек в контексте ячейки любого коллектива воспринимался безлико – как «член» монолитной общности «всех» либо «многих», причем обязательно представляющихся «общественностью» и «большинством», то был всего лишь «винтиком» производства, поднятой рукой на собрании, голосующей «за», с энтузиазмом марширующим под звуки марша в колонне таких же, как он, на очередной демонстрации.

Поэтому его, маленького человека, обычно не называли по имени, его выкликали по фамилии – из строя таких же, а если окликали, то чаще по какой-либо кличке, напр., по усеченной или переименованной фамилии. Ср.: Горбачев мог в разговорной речи упоминаться как *горб*, *горбач* – как первый вариант (усечение), либо *горбатый* – как второй (переименование). Однако кличка могла фамилией и не мотивироваться, а называть какую-нибудь более или менее заметную в данном лице черту внешности либо характера, напр., *горбатый*, *горб* и *горбач* – так могли называть человека с определенным дефектом, деформацией тела.

Употребление, приминительно именно к Горбачеву, определения-клички *горбач* было характерно, что весьма знаменательно, для

среды криминогенного типа. А представители такой среды не могли не знать того, что в тюремно-лагерном жаргоне лексема *горбач* имеет специфическое значение «заключенный, совершивший побег», а также «находящийся в бегах заключенный». Если соотнести этот факт с бытовавшим в той же самой среде – и, соответственно, застенках ГУЛАГа – представлением об СССР как о «большой зоне», замкнутой за колючей проволокой государственной границы, напоминающей концлагерную изгородь, то представление о возможности «совершить побег из зоны» тоталитарного государства – возможности, появившейся благодаря Горбачеву, закономерно логично и вполне мотивировано для российского просторечия.

Здесь следует подчеркнуть, что в маргинальных субкультурах человек практически лишен своего собственного имени, замещаемого закрепившейся за ним кличкой и ситуативно варьируемыми прозвищами. А такими прозвищами нередко становится в жаргоне нарицательное употребление личных имен как конкретных людей или персонажей, напр., книг, опер, так и обобщенно-нарицательных и, по сути своей, как бы неопределенно-личных, сохраняющих при этом в узуальном речевом контексте черты национального (и религиозного) маркера.

Примерами этому могут служить следующие жаргонные единицы: *бельмондо* (фр.), «психически ненормальный человек»; *фигаро*, «парикмахер»; *джорик* (искаж. Жорик), «ненадежный, не вызывающий доверия человек»; *пыха* (фамилия популярной певицы), «красивая нестареющая женщина». Ср. также использование в этой роли фамилий: *фуцин*, *фуцын*, 1) «осведомитель, доносчик», 2) «потерпевший, жертва преступления»; *фуцман*, «осведомитель, доносчик»; *шнер* (от Шнеер), «лом»; *шнифер*, «вор-взломщик»; *пинч* (англ. фамилия), «пассивный гомосексуалист» (однако в жаргоне это образование от Пиначет; *пиначет*, полит., «требовательный, придирчивый начальник ИТУ»).

Используются также национально окрашенные имена – в функции оскорбления объекта речи, второго или третьего лица: *маргаритка*, 1) «пассивный гомосексуалист», 2) «мужчина-минетчик» (ср.: *умница*, «гомосексуалист»); *марго*, 1) «маргарин», 2) «красивая проститутка, имеющая успех у богатых клиентов»; *геза*, «красивая проститутка неславянской национальности»; *кармен* (литерат., оперн.), «карманная воровка цыганка»; *лаура*, «проститутка»; *роза*, «женщина-пьяница»; *мара*, 1) «женщина»; 2) «жена»; 3) «любовница вора»; 4) «проститутка, женщина легкого поведения»; *додик* (сокр. от Давид), 1) «молодой пассивный гомосексуалист»; 2) «женственный, женоподобный мужчина»; *есик* (Ёся, от Иосиф), 1) «вход» (т.е. «анус»), 2) «гомосексуалист»; *зяма* (от Залман), «изворотливый мошенник, аферист»;

лялька, «юная проститутка»; *лялька-генетик*, *лялька-живоглотка*, «девушка-минетчица».

Для русскоязычного тюремно-лагерного жаргона специфично использование национально окрашенных имен-стереотипов для описания области сексуальных и гомосексуальных отношений, главным образом, принудительного и насильственного характера, что свойственно, как мы это определяем в своих работах, садическому языку тоталитарного государства [Н.-Червинская, Червинская 2009 а; 2009 б].

См., напр.: *варюха* (русс.), «анальное отверстие»; *жося* (искаж., польск. Зося; от Зу-занна), «пассивный гомосексуалист»; *жука* (венг.), «молодой гомосексуалист»; *люська* (русс., от Людмила), «пассивный гомосексуалист»; *люся* (русс.), «влагалище»; *манька* (русс., от Марья), «пассивный гомосексуалист»; *марта* (польск.), «девушка, женщина»; *сулико* (груз.), «акт мужеложства»; *руслан* (русс.), «гомосексуалист»; *сусанна* (из др.-евр.; как вульг. интерпретация сюжета «Сусанна и старцы»), «минетчица»; *шурик*, 1) «психически ненормальный человек»; 2) «пассивный гомосексуалист» (ср.: *шура*, «воровка»).

Однако заметим, что семантика следующих жаргонных единиц мотивирована иначе и это случай довольно редкий для данного лексического фонда: *моцарт*, «дирижер» (по функции); *барон фон триппербах*, устар., «человек, хронически больной гонореей» (по созвучию – «триппер», просторечное название венерической болезни); *ёрик*, «пожилой человек» (из «Гамлета»; литературная ассоциация: по сходству «голого черепа»); *демосфен*, греч., 1) «бродяга», 2) «нищий» (по имущественному состоянию: человек, у которого ничего нет). Во всех этих случаях актуализирован, прежде всего, иронический момент, что свидетельствует об определенном образовательном уровне субъектов речи, использующих такие единицы, в то время как обычно иные жаргонизмы, называющие человека, носят выражено оскорбительный характер, как свидетельство свойственного для криминогенной среды речевого бескультурья.

* * *

Итак, личные имена в жаргонах и современном просторечии также нередко употребляются в нарицательной функции называния, напр., предметов и понятий, актуальных для криминогенной среды: *мотя* (от Мотл), 1) «часть краденного», 2) «бак для воды»; *мотяк* (от Мотл), «гашиш»; *мибочка*, «носовой платок»; *мирго* (возм., груз. или азерб.), «яд, отравка»; *палтикан* (арм.), «опий»; *сулейка*, 1) «водка», 2) «куриное мясо, о пище»; *авакумыч*, «ломик для взлома, отжима запоров»; *алексей алексеевич*, устар., 1) «официант, швейцар», 2) «прислужник авторитетного вора»; *маньки*, «деньги»; *маня* (от Марья), 1) «деревенская девушка» (и «потенциальная жертва

преступления»), 2) «рулон ткани» (как объект кражи); *марфа*, *марфуша*, *мария*, нарк., «морфий»; *марьяна*, 1) «девушка, молодая женщина», 2) «жена», 3) «проститутка», 4) «растворопия»; *гара-хан* «опий»; *калль*, «деньги» (соотносимо с жаргонным названием *цыган*); *рыжая сара*, *сарка*, «золотая монета» (у карманников, устар.); *фомич*, *фомка*, *фома фомич*, «ломик, используемый для взлома замков, запоров».

Как уже отмечалось выше, такое употребление часто носит в тюремно-лагерном жаргоне уголовный характер: *парашиа* (простор., от Прасковья, Параска), 1) «помойное ведро», 2) «бак для испражнений в камере», 3) «грязная посуда», 4) «клевета», 5) «ложный слух, сплетня»; *сидеть на параше*, «быть презираемым, преследуемым, о заключенном»; *толкнуть парашу*, «пустить ложный слух». Поскольку такая семантика данного имени-стереотипа общеизвестна в среде носителей современной российской ментальности, то популярная песня одной из московских рок-групп про «девушку Прасковью из Подмосковья», на наш взгляд, носит эпатажно-ерничающий характер.

Однако в жаргоне встречаются также лексемы, которые внешне выглядят как личные имена, но именами-стереотипами на самом деле не являются. Приведем только один из примеров: *тоня* (сокращение от Антонина; ошибочное предположение), 1) «притон» (внешне, казалось бы, по фонетическому созвучию, однако см. у Вл. Даля: *тоня*, от *тонуть*, ватага, рыбалка; рыболовня, рыбачий стан, притон, становище, промысел), 2) «большая прибыль, богатая добыча» (ср. пословицу: *Не всегда рыба в тоне, был бы ловщик на тоне*).

Онимы-стереотипы: имена вождей и других известных личностей

Несмотря на то, что узусное поле русского просторечия настолько изменилось за вторую половину минувшего века под воздействием политических, социальных и экономических факторов, что мифо-фольклорное мироощущение, раньше свойственное народной культуре, уступило место качественно иному коллективному менталитету, можно по-прежнему говорить о традиционных элементах устной речи. В то же время такие элементы носят зачастую атавистический или, что чаще, вторичный характер и подвержены деформациям как семантического, так и функционального характера.

Прежде всего следует отметить, что использование личного имени в значении нарицательного обобщения, в коммуникативном контексте современного просторечия встречается с большей регулярностью, чем прежде. Тенденция эта имеет склонность к дальнейшей прогрессии, хотя и не так стремительно, как, напр., приращение *зоонимам* в устной речи антропонимической семантики.

Если, допустим, в начале XX века, по собственным нашим подсчетам, таких «зоо-антропонимов» в русском языке было немногим свыше 30-ти, то во второй половине столетия их насчитывалось уже около 100, в основном за счет популяризации названий животных экзотических, а в начале XXI века более 300, – в частности, не только за счет новых экзотизмов, но также за счет активизации названий насекомых, мелких грызунов и птиц, ранее никак не соотносившихся в русском языке и сознании с человеком, его личностью, характером, внешностью.

И число таких единиц в просторечии продолжает расти, поскольку современной российской ментальности свойственно не воспринимать конкретного человека как личность и индивидуум, а, напротив, воспринимать его не как человека, но как животное, носителя – как правило, негативных, условно персонифицированных, – стереотипных и ассоциативно «животных» свойств, качеств, признаков обобщенно-типического характера. Однако, к сожалению, словарями ненормативной лексики данная тенденция живого просторечия почти не фиксируется.

Онимов-стереотипов в языке, естественно, значительно меньше – уже вследствие ограниченности круга популярных имен, соотносившихся с теми или иными чертами человеческого характера, национальностью.

Не возвращаясь уже к теме фольклорных имен-стереотипов, приведем несколько примеров из современного просторечия:

1) имена-стереотипы, мотивированные событиями Второй мировой войны, –

адик, «Адольф Гитлер»; *крутой адик*, «Адольф Гитлер» (однако – *адольф гитлер*, «фашист» и «немец»; бытует в просторечии как общеупотребительное); *крутой гена*, «Генрих Гиммлер»; при этом новым для современного просторечия становится: *геббельс*, иронич., как «дружеское обращение», и одновременно бытующее выражение: *добрый доктор геббельс*, «жестокый человек»; [Елистратов 1994: 87, 114];

2) имена-стереотипы, замещающие идеологемы и мотивированные надоевшей идеологической пропагандой, –

кырла-мырла, «Карл Маркс» (искаж., идеологема); *три мудака*, «Маркс, Энгельс, Ленин» (эвфемизм – известная лозунговая идеологема); а также своеобразные бранно-экспрессивные выражения-эвфемизмы 80-х г. [Мокиенко, Никитина 1998: 325, 676]: *Маркс твою Энгельс!*, как «выражение досады, раздражения, удивления»; *Энгельс твою Маркс!*, как «выражение досады, раздражения, негодования» (ср. в частушке: *Эх, раз, еще раз! Что за жизнь теперь у нас! Ах ты, Энгельс твою Маркс – вместе с ленинизмом!*);

3) имена-стереотипы, мотивированные актуальными для СССР, а затем для России, политическими контекстами, –

горец, *кремлевский горец*, «Сталин» (вслед за известной строкой О. Мандельштама); *сталинские внуки*, «дети заключенных-женщин, родившиеся в ИТУ»; *хрущёба*, *хрущоба*, «малогабаритная квартира в панельном доме» и «пятиэтажный блочный дом», *хрущобы*, «район пятиэтажных блочных домов», «панельные дома с малогабаритными квартирами» (ирон.; строились при Хрущеве, на окраинах городов); *голда меир*, устар., «еврейка» и «умная женщина» (просторечное; характерно для эпохи Хрущева); а также: *бровястый*, *бровеносец в потёмках*, «Брежнев» [Елистратов 1994: 47]; *бреднев*, «Брежнев»; *петля горбачева*, «очередь за водкой»; *царь борис*, а также *цинель* (на китайский лад; из анекдота), «Ельцин»;

буратина, *буратино*, *буратинка*, *буратино недоструганный*, «полный дурак, идиот, тупица»; *богатенький буратино*, «богатый, но глупый человек»; *егор*, *егорка*, «любой человек» и «Лигачев» (член ЦК КПСС, известный как ретроград; см. также выражение: *Егор, ты не прав!* – сказанное в его адрес); *ельциноид*, «приверженец Ельцина, демократ» (надпись на заборе: *Ельциноиды, вон из России!*); *черномор*, *черномыр*, *дядька ~*, «бывший премьер-министр Черномырдин» (*черномырдинизм*, ирон., «какое-л. неправильное употребление слова, нарушение грамматических или стилистических норм»; *черномырдя*, шутл., «Россия»; см. также: *Страна наша дорогая, Черномырдя!* – по аналогии с лексемой: *черножопия*, «южные республики, обычно о Кавказе и Средней Азии») [Елистратов 1994: 50, 129, 131, 534];

4) имена-аббревиатуры, мотивированные актуальным в политике, –

ЕБН, «Ельцин Борис Николаевич»; *ГОРБАЧЕВ*, «Граждане! Обрадовались Рано – Брежнева, Андропова, Черненко Еще Вспомните.» [Раскин 1997: 14]; ср. популярное в 30-е годы: СССР, «Сами Срали, Сами Разбирайтесь».

Говоря о речевых онимах-стереотипах, необходимо отметить наметившуюся со второй трети минувшего века, свойственную, прежде всего, языку ГУЛАГа, тенденцию замещения ряда наиболее известных личных имен (и опасных при употреблении в речи) понятными всем носителям языка эвфемизмами, активно использовавшимися также в политическом анекдоте. В первую очередь это касалось, конечно, имен, отчеств и фамилий руководителей государства, официальных вождей, надеваемых в народном сознании определенными свойствами и качествами, обычно негативного содержания.

Приведем только несколько, наиболее распространенных, примеров.

Так, *Сталин* → *хозяин* и *хозяин зоны*, *пахан* (в том числе в значении «содержатель воровского притона», «главарь преступной группировки», «отец» и «начальник уголовного розыска»); *усатый*, *усач*, а также *ус* и *усы*, *черт усатый*; *таракан*, *тараканище* (после стихо-

творного памфлета К. Чуковского, опубликованного как детская книжка); *трубка* (лагерное). Он же *черножопый* и *зверь* (в знач. «кавказец», «горец»; ср.: *кремлевский горец*), *сосо*, *коба* (ставшие эвфемизмами национальности «грузин», а также вообще «кавказец», «восточный человек»). Его же называли *гуталин* и *гуталинщик*.

См. соответствующий комментарий у Ж. Росси: «Примеч.: маленького роста, черный и рябой, говоривший по-русски с сильным кавказским акцентом, Сталин напоминал тех кавказцев-ассирийцев, уличных чистильщиков сапог, которые традиционно пользовались гуталином» [Росси, 1991, 1: 95]. Если сопоставить с аналогичной формой тюремно-лагерного жаргонизма того же времени *керосинщик*, в значениях 1) «пьяница»; 2) «подстрекатель, баламут», а *гуталин* в армейском жаргоне «замполит», то *гуталинщик* следует понимать также как субъект действия *пудрить*, или *засерать*, *мозги*, *вешать лапшу* (на уши).

Соответственно, в том же уголовном жаргоне есть и такие единицы: *клемент*, «наркоман» (от имени Ворошилова); *лавертий палыч*, «исполнитель высшей меры наказания – расстрела» (от имени-отчества Берии; при этом *палыч* ассоциируется также с *палкой*, «орудием избиения» и «мужским половым членом»; ср. с идеологемой: *палочный режим*). А в 90-е годы, когда представители сфер, связанных с «черным бизнесом», презрительно называли Гайдара просто «егор», то, прежде всего, в этом прозвище актуализировалось значение данного слова именно в уголовном жаргоне: *егор*, «вор, не пользующийся доверием среди своих» (т.е. Гайдар своими реформами «крал», с точки зрения представителей этой среды, «у своих», ограничивая возможность нечистых махинаций и тем самым не давая остальным «ворам красть»). В том же контексте неприятия личности реформатора представителями криминальных сред Гайдара называли также *крысой*, а данная лексема в тюремно-лагерном жаргоне имеет аналогичные значения: «человек, воруемый у своих» и «человек, не оправдавший доверия» (третье значение данного жаргонизма – «несовершеннолетняя проститутка», лексема «проститутка» активно используется в политическом дискурсе).

В свою очередь, просторечие знало и такие эвфемизмы, как: *Буденный*, а затем *Ворошилов* → *усатый*; *Суслов* → *серый кардинал* (т.е. «глава инквизиции»); *Брежнев* → *чернобровый*; *бровеносец* (по аналогии с «орденоносцем»), *бровастый* и *брови* (ср.: «усы Иосифа Виссарионовича на более высоком уровне»; из анекдота); а также собирательное: *андропоиды*, «кремлевские руководители» (по имени Андропова; ср.: *ельциноиды*; в уголовном жаргоне: *андроп*, или *антроп*, «неверящий»); *андрополь*, «здание КГБ на Лубянке в Москве». Ср. также

специфическую, для того же самого времени, расшифровку аббревиатуры: ДОСААФ, «Добровольное общество содействия Андропову, Алиеву, Федорчуку, т.к. в 1982 году Алиев, бывший генерал КГБ, с подачи Андропова стал членом Политбюро» [Раскин 1997: 37].

Эвфемизм *лысый* в российском просторечии невероятно популярен, причем на разных этапах государственного развития после 1917 года. Первая политическая фигура, к которой он был приложен, это *Ленин* → *лысый*, более позднее *лысый в кепке* [Мокиенко, Никитина 1998], и, наконец, собственно *кепка*. При этом основное значение лексемы *лысый* в жаргонах и, соответственно, просторечии – «мужской половой член» (ср. наш комментарий к жаргонному выражению *лавертий палыч*). Такая семантика, в приложении к известным вождям, дополнительно мотивируется также идеологемами типа *член правительства*, *член партии*, *член профсоюза*, отчего и появились в народной речи такие слова, как *членовоз* и *членовозка*, «правительственная машина» (обычно кремлевская, черная).

Современное просторечие активно включает имена и фамилии вождей в состав фразеологии негативного плана. Так, *Ленин в шалаше*, или *Ленин в Разливе*, в зн. «полная чушь, что-л. абсурдное», «черт знает, что такое, ерунда какая-то». *Отсоси у Ленина* – жарг., груб. «выражение отказа, несогласия, нежелание что-л. делать, давать»; ср. в том же значении: *Отсоси у лысого!* [Елистратов 1994: 306, 559]. *Здравствуй, лошадь, я – Буденный!* (в значении «привет, обычно при неожиданной встрече»; ср. аналогичное выражение: *Здравствуй, жопа, – Новый Год!*); *Отмечать столетие лошади Буденного* (в значении «пить, выпивать без повода»); *Полный Чубайс*, или: *Ну ты и Чубайс!* (бранное; по фамилии бывшего вице-премьера; он же, в свое время: *ваучер*; также *ваучер* – и «мужской половой член», и «партнер, чаще плохой и ненадежный» [Елистратов 1994: 53, 541, 57] – как партнер деловой и партнер сексуальный). Ср. народную переделку в 90-е годы на уголовный лад известной пословицы: *Паханы дерутся – у холопов чубайсы трещат* [Елистратов 1994: 321], в том числе и о переделе сфер влияния в криминальном бизнесе.

Заместительным именем *лысый* назывались в народе, а также в советском и постсоветском анекдоте, *Котовский*, *Хрущев* (он же *кукурузник* и *кукуруза*, причем второе – в значении «фаллос»; ср. также выражение: *Пусть послужит кукуруза для Советского Союза* – «нечто абсурдное, нелепое, глупое, несуразное»), *Горбачев* (он же *лысина* и *голова с заплаткой*, *горбач* и *горб*, а также дядя *Миша*, *лимонадный джо* и *генсок*; см. также: *горбачиха*, или *райка*, жена Горбачева, героиня большого количества анекдотов), *Жириновский* (он

же *жирик*), *Путин* (он же *чебурашка*, *фантомас* и др., а также, на китайский лад, из анекдота, *Тин Пу*). Лексемы *чебурашка* и *фантомас* при этом известны тюремно-лагерному жаргону: первая в значениях «несовершеннолетний гомосексуалист» и «осведомитель», а вторая в значениях «психически ненормальный человек», «грабитель, использующий маску», и «лысый человек» [Балдаев, Белко, Юсупов 1992: 278, 258-259]. Последнее все в той же соотносительности с «фаллос», что является традиционным для любой национальной ментальности, не только русской.

Однако с момента осуществления на высшем государственном уровне известной политической «короткой рокировки» – воспользуемся терминологией шахматистов – рядом с последней фигурой, отодвинувшейся как бы на второй план, активизировалась в контексте речевого узуса россиян и другая фамилия, *Медведев*. Причем, как результат, в языке народа появилось устойчивое выражение *лысый и кудрявый*, либо *лысый и кучерявый*, замещающее обе фамилии, обычно звучащие рядом. И отражает оно актуальный порядок вождизма, при котором на первом месте остается по-прежнему *лысый*, а на второе место отодвигается, как это ни парадоксально, *кудрявый*.

Характерно, что в конце 80-х годов *кудрявым*, либо *кучерявым*, называли в народе Ленина (принцип называния по отсутствию значимого признака – через приписывание субъекту того, чего у него на самом деле нет). Так же называли в тот же самый период и *Котовского*, популярность которого и, соответственно, активность его имени в речи неожиданно возросли. А затем так же стали называть и *Горбачева*.

Популярным также стало переименование фамилии Генерального секретаря КПСС «по-американски», в сокращенное *горби*. Интересен в просторечии и прием перевода фамилии *Горбачев* на «иноязычный» лад, в результате чего получается *Бос(с)ман* – как своеобразный семантический тенде́м «горб» + «хозяин» (= «горбатый человек»). И, как следствие, водка одноименной фирмы получила вслед за отечественной название *горбачевка*, с последующим расширением из-за развернутой в период *перестройки* «борьбы с алкоголизмом» узуального контекста употребления нового арготизма и его семантики.

Принцип «называния от противного» србатывает как результат и при активизации в речи нарицательного определения *мишка*, «безобидный пьяница»: «имя Горбачева» + «то, с чем он борется»; как определение, приписываемое и каждому носителю данного имени в отдельности, и обобщенно – всем *мишкам* (в том числе и самому Горбачеву).

Параллельно в народной речи активизируются следующие сленговые лексемы и выражения: *горбатый*, «обманщик, фантазер»; *горбить*, 1) «обманывать, врать», 2) «весело и за-

нимательно рассказывать о чем-л.»; *горбачевская баня*, «винный магазин с большой очередью» (ср. аналогичное: *петля горбачева*). А также: *Куй железо, пока Горбачев*, «пользуйся, пока Горбачев у власти» и «делай деньги» – вместо известной поговорки: *Куй железо, пока горячо; Флаг в руки, барабан в жопу, камень на шею и попутного ветра в горбатую спину*, «наплевать на кого», либо «ну и черт с ним» [Елистратов 1994: 97, 27, 219, 501], как выражение отношения к горбачевской *перестройке*; ср. также с идеологемой: *ветер перестройки* (попутный, подгоняет, не дает стоять на месте).

* * *

Необходимо отметить, что замещение собственного имени на эвфемизм часто производится в просторечии на основе метонимической, на что мы не раз обращали внимание в своих работах. И заимствован такой принцип подмены имени у тюремно-лагерного жаргона сталинской эпохи [Н.-Червиньска 2009].

Основной принцип подмены – называние черт как внешности человека, так и его характера, часто по национальному принципу. Такая номинация почти всегда носит ярко выраженный негативный характер, напр.: *Зюганов* → *крокодил гена* (по внешности; тяжелая «крокодилообразная» голова; + по характеру; притворяется добреньким – добродушным и честным, как герой одноименного мультфильма, а затем как герой популярного кинофильма «Блондинка за углом»); *Жириновский* → *папа юрист* (по национальности; пятая графа его паспорта предполагает запись «еврей», т.к., по стереотипному убеждению, «все юристы евреи»). Тем самым употребление в речи выражений *крокодил гена* или *папа юрист* уже само по себе исключает называние фамилий данных партийных лидеров, поскольку эти фамилии всем понятны и, более того – подразумеваются между строк.

Но, пожалуй, наиболее «говорящим именем» в русскоязычном просторечии, а также в жаргонных его проявлениях проявляет себя имя *Владимир*, связанное в российской ментальности не с одним, а с целым рядом личностей, заметных на политическом небосклоне страны, и прежде всего – с *Лениным*, *Жириновским* и *Путиным*. Имя это в народной речи получило, в связи с данными конкретными лицами, несколько знаковых сокращенных вариантов. За каждым из них просматриваются устойчивые и всегда узнаваемые, вполне определенные ассоциации.

Первым таким знаковым сокращением, с легкой руки М. Зощенко, автора внешне примитивных, однако семантически неоднозначных «Рассказов о Ленине», стала форма *Володя*, часто предваряемая эпитетом *маленький*: это пример-образец для *внучат Ильича*, октябрят, а также для их *старших товарищей*, пионеров. В коротких рассказах Зощенко «маленький Володя» настолько окружен ореолом положитель-

ных качеств, что мог бы быть приобщен к ликам святых, вполне в духе «обновленного» российского православия и очередной перелицовки многострадальных исторических фактов. Ведь и у Зощенко «маленький Володя» сродни двуликому Янусу – *Володя* хитер, изворотлив, находчив не по возрасту, прям и, одновременно, скрытен, легко находит выгодное для себя решение, а когда вырастает – обращает эти свои недюжинные качества на благо мировой революции и против происков царской охраны.

В общем, маленький Ленин у Зощенко – «всем ребятам пример», им следует восхищаться, ему следует подражать. Возможно, что именно благодаря этим рассказам в русском просторечии у лексемы *ленин* появилась специфическая функциональная семантика: ирон., *Ну ты и ленин!* (в значении «слишком умный» [Елистратов 1994: 226]; напр., «умный не по возрасту», если обращено к ребенку, или «чресчур сообразительный», т.е. далеко пойдешь, высоко зайдешь).

И подражание – но не *Володе*-мальчику, а хитроумному приему писателя-сатирика, – действительно приобретает непомерный размах в устном народном творчестве, но уже как оригинальная форма советского анекдота. Это анекдоты про *Вовочку*. Однако прежде, чем перейти к их содержанию, давайте посмотрим на то, какое отражение находит в российском просторечии, а также в такой его форме, как уголовный жаргон, лексема *Володя*, в значении «Ленин» (вождь октябрьской революции 1917 года и коммунистической партии большевиков, первый, кто возглавил тоталитарный режим в России).

Приведем примеры узуального словоупотребления сокращений от имени *Владимир*, в значениях «вождь партии», «вождь страны», подразумевается при этом «государства тоталитарного».

володя, «активная лесбиянка» (ассоциируется с именем Ленина); *дядя володя*, 1) «сто-рублевая купюра» (с портретом вождя), 2) «В. И. Ленин»; ср.: *вашигтон*, «тысяча долларов США» (с портретом президента Вашингтона);

вовик, «советский металлический рубль» (по изображению на нем Ленина, т.е. «юбилейный рубль», выпущенный к 100-летию Ильича);

вова, «Ленин», а затем «ветеран Второй мировой войны» (вероятно, отмеченный орденом Ленина, «с Лениным на груди»); сейчас также «Путин», реже «Жириновский»;

вова алюминевый, «глупый, несообразительный человек, дурак» (презрит.; видимо, по аналогии с выражением *алюминевый чайник*; ср. жаргонное: *чайник*, «голова», «душевно-больной», «человек со странностями»; в уголовном жаргоне: «начальник», напр., в лагере, а также «большой зануда», «тупица, бестолковый дурак», «работник органов государствен-

ной безопасности», напр., *голубой чайник*; кроме этого, сочетание *голубой + чайник* дает в жаргоне еще одно значение, «пассивный гомосексуалист» → [«голубые»] «...начальники ... пьют из чайников (голубых)»; из лагерной чутушки);

дохлый вова, ирон., «мумия Ленина в Мавзолее» [Елистратов 1994: 117]; ср. анекдот периода горбачевской борьбы с алкоголизмом, про *горбачевскую баню*, или *петлю горбачева*: «Стоит огромный хвост очереди на Красной площади, извивается. Однако, пока достоялся, водка кончилась, а продавец умер.»;

вовчик, «Ленин» (часто так называли «бюст Ильича» или «памятник вождю»), затем «ветеран Второй мировой войны» (вероятно, «с орденом Ленина на груди»), но в современном просторечии – чаще «Путин», иногда «Жириновский»;

вовочка, до середины 90-х годов исключительно «Ленин», а с конца 90-х годов преимущественно «Путин» (в непристойных анекдотах, часто на сексуальные темы, грубых и пошлых; ср.: навязываемое молодежи представление о *Путине* как о «секс-символе новой России»).

Надо сказать, что жанр анекдотов про *Вовочку* сохраняет даже зощенский принцип двух возрастных категорий героя: в рассказах это «маленький Володя» (*Володя*-мальчик) и «взрослый Ленин» (*Володя*-революционер), в анекдотах это «маленький Вовочка» (ходит в детский сад, а потому сам не знает, что говорит и творит) и «подросший Вовочка» (ходит в школу, а потому знает, что говорит и что делает). Но остальные анекдоты о «вожде революции», *Ленине* и *Владимире Ильиче* относятся к качественно иному разряду, объединяющему тексты в тематические группы: напр., актуализированы такие темы, как «Ленин и дети», «Ленин и Крупская», «Ленин и Дзержинский» и т.п., либо группы, основание для которых есть местонахождение вождя на определенном историческом этапе (Разлив, Польша, Германия, Швейцария; Смольный, Кремль, Горки).

Тем самым первый *Вовочка* просто «глупый, наивный мальчик», над поступками которого мы охотно смеемся, т.к. он ставит своими вопросами в тупик родителей и взрослых. Это «невинные» анекдоты на сексуальные темы, обычно в СССР замалчиваемые. А второй *Вовочка* – это уже вполне сформировавшийся «нехороший мальчик», от слов и действий которого мы вслед за учительницей *Марьей Ивановной* приходим в ужас и только разводим руками. Это в основном анекдоты пошлые, грубые, а подчас и вульгарные, сальные, циничные, в которых все вертится вокруг запретной эротической темы и лексика используется скатологическая, обсценничная.

Как и реальный Ильич, *Вовочка* не стесняется в словах и выражениях и, поступив в школу, становится откровенным «матерщинником».

Часть анекдотов, особенно строящихся на игре слов, активно используют единицы так называемого «русского мата» (напр., *бабаб* – это *бабаёб* или *ёбобаб*?). Грубость, вульгарность речевой характеристики героя данного цикла анекдотов, *Вовочки*, особенно усиливаются в самом конце 90-х годов, когда, по сути, «вождь революции» теряет свою актуальность, отступает на задний план и потому изменяется реальный политический прототип «нехорошего мальчика», поскольку имена вождей удачно совпадают.

Бранный контекст порой утрируется, причем нередко в ущерб смыслу и остроумию самого анекдота. Обсценимость языковых средств и преобладание грамматической безграмотности, на наш взгляд, не столько преследуют цель нивелирования фигуры анекдотического героя, *вовочки*, сколько являются следствием спонтанных выплесков эмоциональных недовольства и раздражения – со стороны малообразованных создателей, а затем рассказчиков таких анекдотов. И это – как явление современного русского просторечия – требует, видимо, серьезного к себе отношения и описания.

* * *

Итак, уголовный язык, как видим, проникает в России во все сферы человеческих отношений. Активность жаргонных, а также обсценных, лексем и выражений в современном русском просторечии есть свидетельство того, насколько глубоко и прочно обосновалась сегодня в российской ментальности уголовная психология, десятилетиями последовательно воспитывавшаяся в тюрьмах и лагерях *Совдепии* и давшая затем столь пышные всходы в условиях так называемой «новой России», где под видом демократии развивались и крепили дикие законы криминальных отношений.

Пожалуй, стремление не замечать этого и игнорировать последствия данного негативного явления – это политика отрицания очевидного. И агрессивные патриотические лозунги, и военная подготовка молодежи – от школ до монастырей нового типа, и навязывание в разнотипной многонациональной стране всеобщего православия, и повсеместная пропаганда религиозных ценностей, призванных успешно заменить недавние ценности коммунистические, – все это, к сожалению, давно и хорошо знакомые попытки усиления идеологического прессинга. И они неизбежно ведут к результатам обратным, что в первую очередь отразится также на жаргонно-просторечных языковых проявлениях.

В связи со всем сказанным выше следует, на наш взгляд, обратить внимание еще на одну – весьма специфическую – черту как тюремно-лагерного жаргона, так и нового просторечия, заимствовавшего эту черту у первого. Власть имущих (руководителей разных рангов, особенно высшего начальства, наиболее из-

вестных членов правительства и партийных лидеров) нередко в обиходной речи называют разными оскорбительными словами, однако с общим для них значением – «пассивный гомосексуалист». И эта палитра выражения народного негодования достаточно широка – от бранных, злобных *козёл* и *педал*, в значениях «негодяй, сволочь», «пассивный гомосексуалист», до насмешливо-неодобрительных *гомик* и *голубой* в общем значении «гомосексуалист». Круг жаргонизмов с этим значением ширится, имея тенденцию приблизиться по количеству к лексемам, называющим так или иначе «мужской половой член» (напр., *лысый*, *палыч*, *палкан*, *чайник* и др.), и используется как бранное по отношению к вождям, членам правительств, начальникам, руководителям любых типов, высшим правоохранным и армейским чинам, коммунистам, демократам, *левым* и *правым*, богатым, бедным, знаменитостям и случайным прохожим.

Узуальный контекст здесь поистине универсален и при этом вполне мотивирован, как у Вл. Высоцкого: «И что-то очень неприличное на язык мне просится...» И то, что раньше только «просилось на язык», сегодня, к сожалению, повсеместно произносится вслух.

Основная масса населения большой страны в безликом окружении нищенского бытия постоянно чувствует себя по-достоевски униженной и оскорбленной, что на тюремно-лагерном языке зоны называется *быть опущенным*, т.е. «насилственно принужденным к мужеложеству», «публично унижаемым, убиваемым презрением». В такой объективно дискомфортной ситуации обиженное лицо мечтает о том, чтобы поменяться с обидчиком или обидчиками, местами, чтобы тот – и те (субъекты насилия, царящего *беспредела*, отчего и преобладает сегодня в просторечном узусе фаллическая символика) – ощутил(и) на собственной шкуре, что же значит *быть козлом* (которого все время продолжают *козлить*). Именно поэтому политических лидеров в речи нередко обзывают резкими и грубыми словами, используя единицы уголовного жаргона, со значением «жертва гомосексуального насилия», прочно внедрившиеся, к сожалению, в современную речь.

Более того, популярность темы такого насилия уже не ограничивается грубыми анекдотами и публичным сквернословием – эта тема прочно вошла в современный общекультурный контекст, эксплуатируется российскими кинематографом, театром и эстрадой. И если, допустим, пародисты-эстрадники сделали из уголовного-семантической оппозиции *козёл* – *козлить* (кого) предмет для шуток и элемент новейшей смеховой культуры России, то кино-телевизионное пространство как бы делится сегодня на три, значимых для той же оппозиции, сферы: «жизнь до тюрьмы» (прежде чем *сесть*) – «жизнь в тюрьме» (когда уже *си-*

дишь) – «жизнь после тюрьмы» (после того как уже *отсидел*).

Таково общее семантическое поле транслируемых фильмов, сериалов, современных документальных репортажей. Такой, во всяком случае, предстает сегодня российская действительность из передач «РТР-Планета», телеканала, вещающего за *бугор*, на весь мир. И потому вряд ли кого удивит сегодня факт, что по количеству обращений в Международный трибунал по правам человека именно Россия занимает первое, совсем не почетное, место. Второе место у Турции, третье у Украины, четвертое у Румынии, пятое у Италии, шестое у Польши – и здесь есть, над чем задуматься. Все более в новых условиях России обесценивается человеческая личность, все более скудеет сегодня язык, бывший некогда «великим и могучим». И потому нельзя забывать о том, что на уголовный жаргон переходят те, кого окружают криминогенные субкультурные среды, те, кто ощущает свою несвободу и кто не видит выхода из жалкого своего бытия. Ну совсем как у Достоевского.

«Личное имя» в контексте польского просторечия и проекциях уголовного жаргона

Конспективно изложим, параллельно к русскоязычному материалу, особенности польскоязычного жаргона.

1. С точки зрения представителей маргинальных сред, которые преимущественно пользуются в своей повседневной жизни уголовным жаргоном, видимые изъяны и недостатки человека – в нем главное и определяющее. И такими носители уголовной психологии считают также *национальность*, *вероисповедание* и *цвет кожи*: *czerniak* (цыган), *duży kozak* (опытный и хитрый преступник, посвященный в профессиональные тайны) или *chrystopradawiec* (еврей, от Иуда; христианско-католическое). В польском просторечии принято, напр., повторять о ком-то, что тот «чернокожий» или «не католик», неоднократно подчеркивать его национальную принадлежность либо «не то» вероисповедание. Даже в публичных интервью постоянно задаются вопросы на подобные темы, причем и тогда, когда собеседнику они неприятны. Это, как следствие одного из проявлений нетерпимости в католическом фундаментализме, фиксируется также и польскоязычным уголовным жаргоном [Stępniaк 1993].

2. Форма, размер, кривизна человеческого *носа* являются, как и в русскоязычном жаргоне, признаком национальной принадлежности объекта высказывания, однако «национальная сторона» недостатков лица (форма глаз, носа, цвет волос) в польской маргинальной культуре смазана и неявна, хотя человек также называется по этому признаку: *binio*, *czerwień*, *dziagan*, *dzięcioł*, *dziób*, *dzub*, *fuga*, *funkol*, *gasidło*, *gaśnica*, *gaśnik*, *gil*, *gilon*, *gingon*, *glut*. Оскорби-

тельность такой номинации дополнительно усиливается общеевропейской традиционно фаллической семантикой *носа* как части лица и тела [N.-Czerwińska, Czerwińska 2004]. В польском жаргоне такие лексемы, как и те, которые называют национальное, носят более оскорбительный характер, в отличие от русского просторечия.

3. Как и в русскоязычном уголовном жаргоне, для обозначения национальной и религиозной принадлежности объекта речи используются «говорящие имена»: *abdul* (дурак + жертва преступности, из арабских стран); *abrahaj* (крестьянин, работник на селе + еврей); *adela* (женщина + проститутка ← «немка»); *brzydka* (красивая девушка ← легкомысленная француженка, «как в кино», от Б. Бардо); *frus* и *frusek* (немец + мелкий вор + профан в карточной игре ← от немецк. имени).

4. Активны в жаргоне и названия национально-территориальной принадлежности: *afrykanec* (подвальный вор + темнокожий как жертва преступности); *amerykan[in, iec]* (жертва кражи + заключенный-новичок и др.); *amigo* (приятель, доверенное лицо; исп.).

5. Негативно окрашены в жаргоне национальные номинации, напр.: *arab* (жертва карманника + мошенничество + черноработчий + полицейский); *bezarab* (человек чужой, но не вор ← первонач. инородного происхождения); *chinczyk* (молодой неопытный преступник); *hebra* (*chebra* → *chewra*, *hewra*, воровская группа и вообще преступная среда ← от «еврей» и «евреи»).

6. В польскоязычном уголовном жаргоне весьма разветвлено словообразовательное гнездо лексемы *żyd*, а само слово многозначно: это «начальник тюрьмы», «скупщик краденого», «мошенник», «фальшивщик документов», «опытный содельник», «богатая жертва преступления», «адвокат» и даже современное «директор школы»; а также *żydek* как «бандитский нож», «мошенник», «ювелирный магазин»; *żydlacz* и *żydlak* как «еврей», «скупщик краденого», «мошенник и лжец», соврем. «торговец наркотиками» (несмотря на стереотипное убеждение в том, что «евреев в Польше больше нет»). В российском контексте такая активность словообразовательного гнезда свойственна не тюремно-лагерному жаргону, а просторечию. Но и в польском узусе данная лексика активно переходит из языка собственно криминогенной среды в общеупотребительное, хотя и ограниченное бытованием.

7. Имена собственные используются в функции нарицательной, причем среди них много еврейских имен: *bianka* (любовница); *frajm*, *fraim* (жертва преступления или человек посторонний для преступного мира); *froim* (парень из сельской местности, недалекий и глупый); *zojza*, от *Zosia* (вонь; пассивный гомосексуалист; некрасивая женщина); *zosia*, *zośka*

(пассивный гомосексуалист); kuba, от Jakub (взломщик сейфов; жертва грабежа, часто состоятельная; деревенский парень; человек, обеспечивающий водку, выпивку; кружка); ganka (начинающая проститутка); jola, jolka (проститутка); karol, karolek (как переносное приспособление-уборная в камере заключения: ведро, «параша»; палка, тяжелая доска от ведра-«параша»; а также король в карточной игре), что стало особенно активным в связи с навязчивой рекламой Войтылы, папы римского. Сокращенными личными именами, в том числе чешскими, называются представители власти, полицейские, военные; нередко при этом лексемы имеют также фаллическую символику, что характерно для любого уголовного жаргона.

8. Национальные имена называют актуальные для маргинальной среды элементы картины мира: aza (машина, перевозящая заключенных); bejra (пиво); bronek (пистолет, карабин); frele (одежда); froja, fraja (разбой); giza (револьвер); berg (картофелина). Ср. также употребление фамилий: bosman (нож, финский); eterman, типа Палкин (бандит, избивающий жертву до потери ею сознания); golda meir (самогон).

9. В польском жаргоне активна фразеология, маркированная «национальностью», и особенно «русской»: chinska parkoza (мешок с песком, которым оглушают жертву разбоя); dola sudańska (убийство вора-соучастника, с целью присвоения всей добычи); rosyjski wyg (преступная банда); ruska cytryna (луковица); ruska dolina (грабёж с избиванием жертвы); ruska parkoza (резиновый молоток или милицмейская дубинка); ruskie masło (маргарин); ruski perfumy (слезоточивый газ)

10. В польском уголовном жаргоне, в отличие от русскоязычного активны лексика христианской традиции и пренебрежительно-оскорбительные названия католических священников, с приравниванием их в субкультурных номинациях к представителям карательных органов. Костельная атрибутика с преднамеренно искаженным значением носит насмешливо-иронический характер. Вот некоторые из множества примеров: 1) ксенз — apostoł, baran (он же жертва кражи и клиент проститутки, а также пьяница), baranek boży, boży ogier, byk boży, czarniel, czarnuch, czarny, duchowy, dziecko diabła, faraon (он же «полицейский» и «обворывающий банки»), faryzeusz (он же «смотровое окошко в камере», иначе judasz), gałach, gałuch, święty ogier; 2) duchowy (костел), dzieciol («костел», он же «взломщик», «мошенник», «безграмотный заключенный» и др.), faga (костел), spot(k)a (монашка, т.е. девственница, ср. русск. *целка*); dar boży (хлеб) gaśnica (костельный); klasztor (колония для несовершеннолетних + места заключения + суд + женская школа), watykan (суд, то же, что и в жаргоне kościół, ksiadz); rapież (ксенз-преступник и заключенный + селедка как еда, особенно тюремная, + комендант полицейского отряда + начальник

арестантской); 3) apostoł (адвокат + судья и др.), anioł(ek) (полицейский + медсестра + охранник в тюрьме + контролирующее лицо в зоне заключения + адвокат и др.), anioł baba (девушка, часто и охотно соглашающаяся на сексуальный контакт), barabas (веревка, канат ← от библ. имени), betlejemka (камера-изолятор + хозяйственное строение на территории тюрьмы или лагеря), bog (следователь, часто армейский офицер, видимо, органов госбезопасности ← от «всемогущий»), chrystoprada (преступник, сотрудничающий с работниками карательных органов, ← от Иуда), chrystus (селедка как еда, нередко в тюрьме), chrzesny (сотрудник полиции + аферист в народном хозяйстве), chrzest (ритуал посвящения новичка в преступной среде, всегда носящий садистский и унижительный характер), czarny (полицейский + печальный человек + хлеб), duchowny (мошенник, практикующий под видом ксенза), duchowy (офицер-следователь), duchywa (кладбище), święto konia (онанизм); święty (карманный вор + оперативный работник полиции + комендант полицейского отряда); święty grzechy, grzyby, leki (наркотики).

Для обоих жаргонов характерна также общая лексика со сходными значениями, что свидетельствует об одних и тех же корнях криминального лексикона.

ЛИТЕРАТУРА

Czerwinsky A., Nadel-Czerwinska M., Czerwinski P. Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Wörterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs. (Herausg. und eingel. von J. Hartung.) — VERLAG DR. KOVAČ in Gamburg, 2001, 342 s. Buchschabe A.

Nadel-Czerwińska M., Czerwińska A. Номинации национальной и религиозной принадлежности в русском и польском уголовных жаргонах. // Cudernos de Risistika Española. Nr 1. Red. R.G. Tirado, E.Q. Gervilla, Granada, 2004, s. 179-188; Nadel-Czerwinska M., Czerwińska A., Akartel M. Tożsamość etniczna w subkulturach (sposoby nominacji w rosyjskim i polskim żargonie przestępczym). — [W:] Studia Rusycystyczne Akademii Świętokryskiej, pod red. K. Lusińskiego, t. 15, Kielce 2005, s. 13-21.

Stępnik K., Słownik tajemnych gwar przestępczych. Współpraca Podgórzec Z., Londyn, 1993.

Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона. В 2-х т. — М., 1997.

Бореев Ю. Краткий курс истории XX века в анекдотах, частушках, байках, мемуарах по чужим воспоминаниям, легендах, преданиях и т.д. — М., 1995.

Елистратов В.С. Словарь русского арг (материалы 1980-1990-х гг.). — М., 2000.

Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. — М., 2005.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб, 1998.

Надель-Червинская М., Червинская А. Садический язык тоталитарного государства: метафориче-

ское и архетипическое. Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica». – Тернополь, 2009.

Надель-Червинская М., Червинская А. Язык и сознание: номенклатура и феня (уголовно-партийный жаргон как коммуникативная форма «советской зоны»). Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica». – Тернополь, 2009.

Надель-Червиньска М. Гипертекстуальные аспекты русской паремиологии: личное имя в пословице (Варвара). // *Studia Methodologica*. Vyp. 30. Gl. red. Роман Гром'як. – Ternopil 2009, с. 212-216.

Надель-Червиньска М. Имена и фамилии. Языковые трансформации и межкультурные эквиваленты // *Studia Slawistyczne* 2. Red. Z. Abramowicz, Białystok 2000, s. 107-114.

Надель-Червиньска М. Об одном семантическом тождестве в русской пословице и сказке (моланья-молния = сивка-бурка = царевна-лягушка) // *Kategorie semantyczne w tekście*. Red. P. Czerwiński i E. Straś. Katowice 2007, s. 133-147.

Надель-Червиньска М. Русская паремиология: метазнаки фольклора и парадигмы традиционных смыслов // *Studia Methodologica*. Vyp. 28. Gl. red. O. Leszczak. Ternopil 2009, с. 151-156.

Надель-Червиньска М. Семантика заимствованных метазнаков в текстах русского фольклора // *Literatury i języki wschodniosłowiańskie z perspektywy końca XX wieku*. Red. naukowa B. Tichoniuk, A. Ksenicz. – Zielona Góra, 2003, s. 235-244.

Надель-Червиньска М. Семантика имен собственных в русской пословице // *Literatury i języki wschodniosłowiańskie z perspektywy początku XXI wieku*. Pod red. A. Ksenicz, B. Tichoniuk. Zielona Góra 2007. S. 203-212.

Надель-Червиньска М. Язык совдепии и мотивация семантического переноса в языке маргинальных сред: имена собственные в уголовных жаргонах польском и русском // *Политическая лингвистика* [Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»] – Екатеринбург, 2009. Вып. 4 (30).

Раскин И. Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса. Опыт словаря с анекдотами, частушками, поэзией, плагиатом и элементами распутяйского постобольства. – М., 1997.

Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В 2-х частях. – М., 1991.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) [Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Юсупов] – М.: 1992.

Снегов С. Язык, который ненавидит. – М., 1991.

Червински А. Психология зоны: примитивный садизм. – *Creativity & Communication Process*, 1998. Выпуск 1, приложение: www.nicomant.org; www.nicomant.fils.us.edu.pl; <http://nicomant.blogspot.com>.

© Надель-Червиньска М., 2010